

Энтони Берджес

ПОТОМКАМ НЕ ХВАТАЕТ ...

(отрывки из романа, авториз. пер. с англ. С. Хренова)

Тристрам Лисс поднимался. Он с гудением взносился на тридцать второй этаж Четвертого отделения Единой школы для юношей Южного Лондона (район Пролива). 10-й поток пятого класса численностью шестьдесят человек ждал его. Ему предстояло вести урок по современной истории. На задней стенке лифта, полузакрытая тушей Джордана, учителя искусств, висела карта Великобритании — новая карта, новый школьный выпуск. Интересно. Большой Лондон, ограниченный морем с юга и востока, все дальше въедается в Северную и Западную провинции; новая северная граница — это линия, идущая от Лоустофта до Бирмингама, с запада граница опускается от Бирмингама к Борнмуту. Собирающимся переехать из Провинций в Большой Лондон, как говорится, нет необходимости двигаться — им просто нужно подождать. Провинции все еще показывают свое древнее деление на графства, но благодаря диаспоре, эмиграции и смешанным бракам, старые национальные названия "Уэльс" и "Шотландия" не имеют больше какого-либо точного значения.

Бек, преподаватель математики в младших классах, говорил Джордану:

— Им следует уничтожить либо одно, либо другое. Компромиссы всегда были нашей бедой, болезнью либеральных компромиссов. Белые мадчизмы не знают, где они находятся. Мы не переносим, когда что-нибудь тратим впустую; это наш великий национальный грех...

Тристрам вышел, оставив старого лысого Бека продолжать разнос. Он бодро направился к аудитории пятого класса, вошел и зажмурил глаза при виде своих ребят. Майское солнце через выходящее на море окно освещало их пустые лица, пустые стены. Он начал урок.

— ...Последовательная систематизация двух основных оппозиционных политических идеологий по сугубо теологически-мифическому ~~принципу~~ принципу. — Тристрам не был хорошим учителем. Он излагал материал слишком быстро, употреблял слова, которые его ученики с трудом могли про-

изнести, сбивался на бормотание. Класс послушно пытался записать его слова в тетради. — Пелагианизм, — произнес он, — когда-то считался ересью. Его даже называли "британской ересью". Кто-нибудь может назвать мне другое имя Пелагия?

— Морган, — ответил мальчик по имени Морган, прыщавый подросток.

— Верно. Оба имени означают "человек моря".

Мальчик цовади Моргана свистнул сквозь зуб в какую-то трубочку, ударив при этом Моргана по спине.

— Кончай, — сказал Морган.

— Да, — продолжал Тристрам. — Пелагий принадлежал к той расе, которая одно время населяла Западную провинцию. Он был тем, кого в древние времена религий обычно называли монахами. Монах. — Тристрам энергично встал из-за стола и желтым мелком написал это слово на синей доске, будто боясь, что ученики будут не способны его произнести. Затем он снова сел. — Он отрицал доктрину первородного греха и говорил, что человек сам способен добиться своего спасения. — Мальчики дустыми глазами смотрели перед собой. — Не волнуйтесь, — дружелюбно сказал Тристрам. — Вам нужно запомнить лишь то, что все это предполагает совершенство человеческой природы. Таким образом, видно, что пелагианизм был ядром либерализма и происходящих из него доктрин, в особенности социализма и коммунизма. Я продвигаюсь чересчур быстро?

— Да, сэр, — хрип и визг шестидесяти ломающихся голосов.

— Хорошо. — Лицо Тристрама было мягкое, пустое, как и мальчиков. Глаза лихорадочно блестя за контактными линзами. Его волосы были по-негроидному кучерявы, а голубые подумесяцы на ногтях наполовину заросли кожей. Ему было тридцать пять лет, и почти четырнадцать он был классным руководителем. Он зарабатывал лишь чуть больше двухсот гиней в месяц, но надеялся, что после смерти Ньюика будет повышен до главы отделения общественных наук. Это бы означало душевное повышение зарплаты, которое бы, в свою очередь, означало более просторную квартиру, более выгод-

Ную исходную позицию для маленького Роджера. А Роджер, вспомнил он затем, умер. — Хорошо, — повторил он, как сержант-инструктор тех лет, когда еще не был установлен Вечный мир. — Августин, с другой стороны, настаивал на врожденной греховности человека и необходимости ее искупления при помощи божественной красоты. Видно, что это лежит в основе консерватизма и других *sinister facts* и непрогрессивных политических верований. — Он ослепительно улыбнулся классу. — Понимаете, противоположный тезис, — сказал он ободряюще. — На самом деле все очень просто.

— Я не понимаю этого, сэр, — заорал здоровый отчаянный юноша по фамилии Бенди-Гастингс.

— Ну, понимаете, — дружелюбно произнес Тристрам, — древний консерватизм не ожидал от человека ничего хорошего. Человек рассматривался как прирожденный стяжатель, требующий для себя все больше и больше, как неспособное к сотрудничеству существо, ни мало не заинтересованное в прогрессе общества. Грех, на самом деле, лишь другое слово для обозначения эгоизма, господа. Запомните это. — Он наклонился вперед, руки сцеплены, скользя предплечьями по желтой меловой пыли, покрывавшей его стол, как нанесенный ветром песок. — Что бы вы сделали с эгоистом? — спросил он. — Расскажите-ка мне.

... Поколоти бы его слегка, — ответил очень честный юноша, которого звали Ибрагим-ибн-Абдулла.

— Нет, — Тристрам замотал головой. — Ни один августинианец не сделал бы этого. Если вы ожидаете от человека худшего, вы никогда не можете быть разочарованы. А только разочарование прибегает к насилию. Пессимист, а это все равно, что по-другому назвать августинианца, находит нечто вроде мрачного удовольствия в рассматривании глубин, до коих может пасть человек. Чем больше греха он видит, тем более утверждается его вера в первородный грех. Всякий человек любит, когда утверждаются его самые глубокие убеждения: это один из наиболее постоянных источников удовлетворения человеческой натуре. — Тристрам, казалось, внезапно поскущел, произнеся это избытке выражение. Он осмотрел свои шесть десятков, ряд за рядом, словно ища

плохого поведения. Но все сидели тихо и внимательно слушали, прямо золотые, будто напрягшись в подтверждение пелагианского тезиса. Микрорадио на запястье Тристрама прогудело трижды. Он поднес его к уху. Комариный голосок, словно голос совести, произнес: "Зайдите, пожалуйста, к Директору после этого урока", — звуки, как крошечные капельки. Отлично. Должно быть это оно, да, должно быть оно. Вскоре он займет место бедняги Ньюика с вынудой жалованья задним числом. Теперь он встал, дв-адвокатски-вцепившись руками в те места своей куртки, где во времена лацканов они должны были быть. Он продолжил урок с новой силой.

— Сейчас, — начал он, — у нас нет политических партий. Древняя дихотомия, которую мы признаем, существует в нас самих и не требует наивных проекций в виде сект и фракций. Мы суть как Бог, так и Дьявол, хотя и не в одно и то же время. Только мистер Живдог может быть ими одновременно, а мистер Живдог, конечно же, чистой воды выдуманый символ. — Все мальчишки-заулыбались. Всем нравились "Приключения Живдога" в "Космикомике". Мистер Живдог был большим забавным толстым демидургом, который *supra omnibus* как Шекспир, расплодил никому ненужных живых существ по всей Земле. Переселение было делом его рук. Однако, ни в одном из своих приключений он ни разу не оказывался победителем: мистер Гомо, его хозяин, человек, всегда прижимал его к ногтю. — Теология, содержащаяся в наших оппозиционных доктринах пелагианства и августицизма, не имеет более никакой силы. Мы же используем эти мифические символы, потому что они странным образом подходят нашей эпохе, эпохе более полагающейся на перцептуальное, изобразительное, пиктографическое. Петман! — вскричал Тристрам с внезапной радостью. — Ты что-то ешь. Ешь в классе. Этого больше не будет, не правда ли?

— Я не ем, сэр, — начал Петман, — с вашего позволения, сэр. — Это был мальчик с кожей павлиньего фиолетового оттенка и с ярко выраженными чертами краснокожих индейцев. — Это зуб, сэр. Я его сосу, сэр, чтобы остановить боль, сэр.

— Юноша твоих лет не должен иметь зубов, — сказал Три-
страм. — Зубы — это атавизм. — Он сделал паузу. Он часто
говорил так Беатрис-Джоанне, у которой были очень хорошие
натуральные челюсти, и верхняя и нижняя. В первые дни их
замужества ей доставляло удовольствие кусать его за мочку
уха. — Ну, прекрати же, дорогая. Ой, милая, больно. — А
потом маленький Роджер. Бедный маленький Роджер. Он вдох-
нул и двинулся дальше.

— Одним из достижений англо-саксонской расы, — продол-
жал Тристрам, — было парламентарное правление, которое на
самом деле означало правление партии. Позднее, когда было
обнаружено, что работа правительства может вестись гораздо
быстрее без дебатов и оппозиции, которые влекли за собой
партийное правление, начала вырисовываться природа ц и к-
л а. — Он подошел к доске и желтым мелком нарисовал боль-
шую неправильную окружность. — Теперь, — сказал он, будто
на шарнирах повернув голову, чтобы взглянуть на своих уче-
ников, — как действует цикл. — Он выделил три дуги. — Мы
имеем пелагианскую фазу. Затем мы имеем промежуточную фа-
зу. — Его мелок утолщил одну дугу, затем другую. — Это при-
водит к августицианской фазе. — Еще утолщение, и мелок вер-
нулся туда, откуда начал свой путь. — Лаг-фаза, Жут-фаза,
Густ-фаза, Лаг-фаза, Жут-фаза, Густ-фаза и так далее до
бесконечности. Нечто вроде вального вальса. Теперь мы долж-
ны рассмотреть какие движущие силы заставляют колесо вер-
теться. — Он с серьезным видом повернулся лицом к классу,
хлопками очищая ладони от мела. — В первую очередь, давай-
те вспомним, что символизирует собой пелагианизм. Прави-
тельство, функционирующее в свою пелагианскую фазу, преда-
ется вере в то, что человек совершенен, что совершенство
может быть достигнуто посредством его собственных усилий,
и что к совершенству ведет прямая и гладкая дорога. Чело-
век хочет быть совершенным. Он хочет быть хорошим. Члены
общества хотят сотрудничать со своими правителями и, та-
ким образом, нет необходимости в аппарате принуждения, в
карательных мерах, которые бы принуждали их сотрудничать.
Законы, конечно же, нужны, ибо ни один индивид, каким бы

хорошим он не был, не может точно знать всех потребностей общества. Законы указывают путь к внезапно появляющимся образцам общественного совершенства — они являются путеводителями. Но, исходя из основного тезиса о том, что граждане хотят вести себя как хорошие общественные животные, а не как эгоистичные звери диких лесов, предполагается, что законам доведутся. Таким образом, пелагианское государство и не думает о том, что необходимо создавать тщательно разработанный аппарат наказания. Нарушь закон, и тебе скажут не делать так впредь или оштрафуют на пару крон. Твоя ошибка исходит из первородного греха, она не является существенной частью человеческой структуры. Это всего лишь упущение, что-то такое, что будет отброшено на пути к окончательному человеческому совершенству. Понятно? — Многие ученики закивали; им было все равно, поняли они или нет. — Значит, тогда, в пелагианскую фазу, или Лаг-фазу, великая мечта либерализма кажется близкой к осуществлению. Греховные стяжательные импульсы уменьшаются, звериные желания сдерживаются контролем разума. Например, частному капиталисту, этому воплощению адчности в цилиндре, нет места в пелагианском обществе. Следовательно, Государство контролирует средства производства, Государство является единственным хозяином. Но, воля Государства есть воля граждан, следовательно, граждане работают сами на себя. Более счастливой формы существования невозможно вообразить. Вспомните, однако, — произнес Тристрам пугающим полумеждометием, — вспомните, что желания всегда опережают действительность. Что уничтожает мечту? Что ее уничтожает, а? — Он внезапно, как по барабану, ударил по столу и закричал крещендо. — Разочарование. Р а з о ч а р о в а н и е. Р А З О Ч А — Р О В А Н И Е. — Он ослепительно улыбнулся. — Правители, продолжал он нормальным голосом, — разочаровываются, когда обнаруживают, что люди не так хороши, как они думали. Упоение своей мечтой о совершенстве, правители ужасаются, когда печать снята, и они видят людей такими, какие они есть на самом деле. Становится необходимым попытаться силой привести граждан к добру. Вновь подтверждаются законы,

грубо и наспех-сколачивается система принуждения. Разочарование открывает перспективу хаоса. Царят иррациональность и паника. Когда появляется повод, на арену выходит зверь. Зверства! — вскричал Тристрам. Класс, наконец-то, проявил интерес. — Избиения. Тайная полиция. пытки в ярко-освещенных камерах. Приговоры без суда. Клещами отрывали ногти. Дуба. Обработка в холодной воде. Вырывали глаза. Расстрелы холодным утром. И все это из-за разочарования. Жут-фаза. — Он крайне дружелюбно улыбнулся классу. Класс же ожидал перечисления еще больших зверств. Глаза мальчиков сверкали, они вытаращили их, раскрыв рты.

— А что такое, сэр, — спросил Беллингэм, — обработка в холодной воде?

— Но, — продолжал Тристрам, — Жут-фаза, конечно же, — не может длиться вечно. — Он искажил свое лицо в маску шока. — Шок, — проговорил он. — Правители шокированы своими собственными эксцессами. Они обнаруживают, что мыслили еретически, что греховность человека больше, нежели его врожденная добродетель. Они ослабляют карательные мероприятия, и в результате наступает полный хаос. Но к этому времени разочарование уже более не может углубиться. Разочарование не может более толкать государство на репрессивные акции, возникает разновидность философского пессимизма. Другими словами, мы переносимся в августинианскую фазу, Густ-фазу. С ортодоксальной точки зрения человек рассматривается как греховное создание, от которого вообще нельзя ждать ничего хорошего. Итак, другая мечта, господства, мечта, которая вновь опережает реальность. На самом деле оказывается, что общественное поведение человека несколько лучше, чем имеет право ожидать любой августинианский цессимист и, таким образом, начинает появляться нечто вроде оптимизма. И вновь устанавливается Лаг-фаза. Мы опять вернулись в Лаг-фазу. Колесо совершило полный оборот. Есть вопросы?

— А чем вырывали глаза, сэр? — спросил Билли Чань.

Задремывали звонки, забрякали гонги, искусственный

голос закричал в динамиках: "Перемена, перемена, у всех, у всех перемена. Пятьдесят секунд на перемену. Начинаю обратный счет. Пятьдесят - сорок девять - сорок восемь..." Тристрам сквозь шум по-рыбьи попрощался с классом и вышел в коридор. Мальчишки помчались на уроки конкретной музыки, астрофизики, управления языками. Обратный отсчет размеренно продолжался: "Тридцать девять - тридцать восемь..." Тристрам подошел к лифту для преподавателей и нажал на кнопку. Лампочки показывали, что кабина неслась вниз с верхнего этажа (там кабинеты искусств с большими окнами; преподаватель Джордан, как всегда, быстро сорвался со старта). 43-42-41-40 - загорался индикатор. Девятнадцать - восемнадцать - семнадцать... Критский размер обратного отсчета сменился на хорейский. Лифт остановился и Тристрам вошел в него. Джордан рассказывал своему коллеге Моубрею о новых направлениях в живописи; имена Зверинцев, Авраам, Ф.А. Чили тасовались как затасканные карты. - Плазматический ассонанс, - распевал Джордан. В некоторых вещах мир вообще не изменился. "Три - два - один - ноль". Голос смолк, но на каждом этаже (1 - 17 - 16 - 45), возникавшем перед глазами Тристама, были длинны ребята, все еще не вошедшие в аудиторию, некоторые даже не торопились. Лаг-фаза. Никто не пытается принуждать к выполнению правил. Работа сделана. Более или менее. 4 - 3 - 2. Первый этаж. Тристрам вышел из лифта.

Тристрам постучал в дверь секретаря Директора, сказал, что его фамилия Лисс, и что Директор хотел его видеть. Нажали на кнопки; загорелись лампочки над дверью; Тристраму предлагалось войти.

- Входите, Братец Лисс, - воскликнул Джослин. Он сам скорее походил на лиса, уж никак не на францисканца. Он был лыс, дергался и имел степень, полученную в университете Пасадены. Сам он, однако, приехал из Западной Виргинии, из Саттона и, хотя был по-лиси чересчур спержан, чтобы много говорить об этом, находился в близких отношениях с Верховным комиссаром по Северо-Американским территориям. Несмотря

на это он получил пост Директора вследствие очевидных заслуг. Они и безупречная бессексуальная жизнь. — Садитесь, Братец Лисс, — проговорил Джослин. — Садитесь же. Кофе, если угодно. — Он гостеприимно указал на блюдо с таблетками кофеина, стоявшее на канторской книге. Тристрам с улыбкой покачал головой. — Когда очень нужно, это выручает, — сказал Джослин, беря пару таблеток. Затем он вновь сел за свой стол. Полуденное морское солнце освещало длинный нос, синюю физиономию, рот большой и подвижный, преждевременные морщины на лице.

— Я прослушал ваш урок, — произнес он, дивнувшись сначала в сторону пюффа на белой стене, а затем — динамика на потолке. — Вы думаете, дети много воспримут из этой ерунды?

— Не предполагается, что они хорошо это понимают, — ответил Тристрам. — Знаете, просто общее впечатление. Это есть в программе, но никогда не выносятся на экзамен.

— Мда, я так и думал. — На самом деле Джослина это не интересовало. Он вертел в руках доску в сером скоросце-вателе Трстрама: Тристрам видел на нем вверх ногами надпись "ЛИСС". — Бедняга Ньюик, — начал Джослин. — Он был очень хорошим человеком. Теперь же он — это пятиокись фосфора где-нибудь в Западной провинции. Но я думаю, что его душа продолжает свой путь, — неопределенно произнес он. А затем быстро добавил, — здесь в школе, я имею в виду.

— Да, да, конечно. В школе.

— Мда. Сейчас, — продолжал Джослин, — вы все выстроились в очередь, чтобы занять его место. Сегодня я прочел ваше доску... — В н в с е. Тристрам проглотил немалую порцию удивления. В н в с е, он сказал, в н в с е. — ... Целая книга. Вы здесь очень хорошо работали, я смог это увидеть. И вы старший в отделении. Вы просто должны были бы получить этот кусок. — Он откинулся назад, соединив большой палец с большим, затем — мизинцы, безымянные, средние, указательные — дал ветреться кончикам всех пальцев. В это время его попергивало. — Вы представляете, — произнес он, — что в конечном счете не я заполняю вакансии. Их заполняет Совет. Я могу лишь рекомендовать. Мда, реко-

мендовать. Теперь же, я знаю, это звучит дико, но то, какую работу получит человек, не зависит напрямую от его квалификации. Нет. Не важно, сколько степеней он получил или как хорошо он делает то, что делает. Важен — и я употребляю этот термин в его самом основном смысле — его семейный фон. Мда.

— Но, — начал Тристрам, — моя семья...

Джослин, словно регулировщик, останавливающий движение, поднял руку.

— Я не имею в виду, преуспевает ли ваша семья, — сказал он, — я имею в виду, сколько в ней сейчас человек. Или сколько было. — Его перевернуло. — Это вопрос арифметики, а не евгеники или социального статуса. Я знаю, также, как и вы, Братец Лисс, что все это нелепо. Но как уж есть. — Его правая рука внезапно взлетела вверх, зависла в воздухе, а затем упала на стол, невесомо, словно лист бумаги. — Этот шиватель, — сказал он, произнося "шиватель", — этот шиватель говорит нам... шиватель говорит... мда, вот: он говорит, что у ваших родителей было четверо детей. У вас есть сестра в Китае (она в Глобальной Демографической Инспекции, правильно?) и брат, не иначе как в Спрингфилде, Огайо. Я хорошо знаю Спрингфилд. И потом, конечно же, есть Дерек Лисс, гомо д высоко наверху. Ну и вы, Братец Лисс, женаты. И у вас один ребенок. — Он грустно поднял глаза на Тристрама.

— Больше нет. Он умер в больнице сегодня утром, — нижняя губа у Тристрама, дрожа, опустилась.

.. — Умер, да? Хорошо. — Доболезнования нынче были чисто денежными. — Маленький, да? Очень маленький. Немного Р₂₀₅. Ну, то, что он мертв, не меняет положения дел, интересующего вас. — Джослин с силой заломил руки, будто бы стремясь заговорить сам факт отцовства Тристрама. — Одно рождение на семью. Живого или мертвого. Одного, двойни, тройни. Без разницы. Ну, — произнес он, — вы не нарушили никакого закона. Вы не делали вещей, которых теоретически не должны были делать. Вы имеете право жениться, если хотите; вы имеете право на одно рождение в семье, хотя, ко-

нечто же, лучшие люди этого просто не делают. Просто не делают.

— К черту, — воскликнул Тристрам, — к черту все это... Кто-то же должен заботиться о том, чтобы раса существовала. Ведь людей бы не осталось, если бы никто из нас не имел детей. — Он был взбешен. — И что вы понимаете под "лучшими людьми"? — спросил он. — Людей типа моего брата Дерекса? — Этих накаченных педиков, расползшихся, да, буквально расползшихся...

— *Сейчас*, — прервал его Джослин, — *сейчас*. — Он только что вернулся с конференции по вопросам образования, проходившей в Риме, этом городе без папы. — Вы собирались проинести нечто весьма оскорбительное. "Педик" — весьма презрительное выражение. Вспомните о том, что фактически гомо управляют этой страной и, следовательно, всем Англоязычным Союзом. — Он нахмурил брови, пристально глядя на Тристрама с лисьей грустью. — Мой дядюшка, Верховный комиссар, он — гомо. Я сам был когда-то почти гомо. Давайте не приписывать сюда чувств, — продолжал он. — Это неподобающе, вот так-то, мда, неподобающе. Давайте просто попытаемся *разложить* об этом моменте, а? — Он улыбнулся, попытавшись сделать улыбку на вид простой и бесхитростной. — Вы так же, как и я знаете, что заниматься размножением оставлено низшим слоям. Вспомните, что сам термин "пролетариат" происходит от латинского *proletarius*, что означает "те, кто служит Государству вместе со своим потомством или *proles*". Вы и я, мы должны быть предположительно выше вещей подобного рода, а? — Он откинулся на спинку стула, улыбаясь и постукивая по столу перьевой ручкой, — о, возможно, используя азбуку Морзе. — Одно рождение на семью — вот правило, или рекомендация, или назовите, как хотите, но ведь пролетариат постоянно нарушает это правило. Раса не грозит вымирание. Я бы сказал — прямо противоположное. Я слышал слухи из высших инстанций, но неважно, неважно. Факт тот, что ваш батюшка и ваша матушка весьма гнусно нарушили правило, на самом деле весьма гнусно. Мда... Он был кем? Что-то там в Министерстве сельского хозяйства, не так ли? Согласно

этому доссье, так. Ну, это просто немного цинично, я бы сказал, способствовать улучшению снабжения нации продовольствием одной рукой и выпать четырех детей — другой. — Он понял, что получилось весьма нелепое противопоставление, но, передернув плечами, оставил его, как есть. — И это не забывается, вы же знаете, Братец Лисс, не забывается. Грехи отцов, как принято говорить.

— Мы все однажды поможем Министерству сельского хозяйства, — помрачнел Тристрам. — Такой прекрасный кусок пятиоксида фосфора из нас четверых.

— Из вашей жены тоже, — добавил Джослин, зашуршав страницами доссье. — У нее есть дестра в Северной провинции. Замужем за сельхозофицером. Там два ребенка. — В его словах прозвучал упрек. — Нечто вроде ауры плодородия окружает вас, Братец Лисс. Во всяком случае, что касается должности главы отделения, совершенно очевидно, что при прочих равных Совет захочет выдвинуть кандидата с более чистыми данными о семье в его спидателе. — Это произношение стало для Тристрама центром раздражения. — Давайте посмотрим. Давайте взглянем на других кандидатов. — Джослин наклонился вперед, локтями на стол, и начал загибать пальцы. — Уилтшир — гомо. Кратенден — неженат. Коуэлл — женат, с одним ребенком, так что он не в счет. Крам-Юинг довел себя до кондиции, он *скачущий*, очень сильный кандидат. Фицциан просто ноль. Ральф — гомо...

— Хорошо, — сказал Тристрам. — Я понимаю свой приговор. Я просто остаюсь на своем прежнем месте и смотрю, как кто-то помолодеет. — Это обязательно должен быть кто-то помоложе, так всегда — повышается через мою голову. Просто из-за этого моего *с ж. и в. а. т. е. л. я*, — добавил он с горечью.

— Да, из-за него, — сказал Джослин. — Я рад, что вы восприняли все именно так. Вы понимаете, как верхи посмотрят на это. Наследственность, — вот как это называется, наследственность. Образец семьи с преднамеренной плодовитостью, вот так-то. Мда. Все равно, что унаследовать преступные наклонности. В наши дни все устроено весьма хитро. Скажу по секрету, дружок, следите за каждым своим шагом. Сле-

дите на своей земле. Не заботитесь о семье детей. Не становитесь безответственными как пролетарии. Они вот такой дерзкий шаг, и с-тобой все кончено. Ура, кончено. — Он стал рукой жист — будто радужная дуга над горой. — Показалась масса многообещающих молодых людей. Люди с различными взглядами. Мне бы не хотелось потерять вас, Братия Любо.

oooooooooooo